

Собрание сочинений. Том 5.

Литературно-критические статьи и воспоминания.

Библиотека "Огонек". Изд-во "Правда", Москва, 1953.

OCR Ловецкая Т.Ю.

I

Я помню, еще в раннем детстве мне попался фантастический польский рассказ. Герой его молодым человеком пробрался потаенным ходом в погребок, где хранилось чудесное старое вино, лежавшее в земле, в неведомом тайнике, несколько столетий. Молодой человек выпил стакан и заснул. Заснул так крепко, что, пока он спал в своем убежище, на земле бежали года, события сменялись, XVIII столетие отошло в вечность, Польшу разделили между собою враги. И вот, в один прекрасный день, на улице русской уже Варшавы, с вывесками на двух языках и с городовыми на каждом углу, -- появляется какая-то архаическая фигура в старопольском одеянии, с "карабеллой" у пояса, с кармазиновыми отворотами рукавов и с страшной седой бородой.

Дальнейшая часть рассказа посвящена развитию этого совершенно исключительного и, по-видимому, невозможного положения.

Такое именно невозможное и фантастическое явление совершилось почти на наших глазах с Чернышевским. Правда, над его головой промчалось не столетие, а всего двадцать лет, но эти двадцать лет стоили целого века. В эти двадцать лет физиономия России изменилась, пожалуй, более чем за целое предшествовавшее столетие. В остальном параллель тоже очень близка. Опыренный захватывающим, одуряющим потоком событий, надежд и ожиданий только что начавшейся реформы, -- он попадает в далекие казематы Кадаинского и Александровского рудников, Акатуя, потом на Виллой. Разве все, что он там видел, в этих глухих углах, отставших на целое столетие даже от дореформенной России -- не могло показаться странным сном, под далекие отголоски оставленной жизни, гул которой катился над его головой, как гул и выстрелы в осажденной Варшаве над головой спящего в подземелье поляка.

Без сомнения, когда этот поляк исчез неведомо куда, -- его искали; быть может, даже догадывались, что он недалеко, может быть, рылись и стучали в нескольких саженях от погреба. А потом стали забывать, и, наконец, те, кто искал, перемерли, а в среде оставшихся потомков повторялась только легенда, -- что был еще один человек, и даже хороший был человек, но исчез без следа.

Чернышевского тоже искали... Его потеря была очень чувствительна для передовой части общества, и примириться с нею было трудно. Уже в деле каракозовцев есть упоминание о намерении освободить Чернышевского. Известны затем попытки Г. А. Лопатина и Ипполита Мышкина. Последний 12 июля 1875 года явился даже в Виллойск под видом жандармского офицера Мещеринова и предъявил предписание о немедленной выдаче Чернышевского для препровождения из Виллойска в Благовещенск. У исправника возникло подозрение -- говорили, что у Мышкина аксельбант был повешен на левом плече, вместо правого, но это не верно. Важнее было то обстоятельство, что мнимый Мещеринов не представил предписания от якутского губернатора, как это требовалось по инструкции. Исправник отказался выдать Чернышевского. Мышкин пытался бежать, был арестован, судился по так называемому "большому процессу" (и впоследствии погиб в Шлиссельбурге). Чернышевский обратился с убедительной просьбой не делать более таких попыток, и письмо его в таком смысле было напечатано в 70-х годах в заграничных изданиях. В последующие годы о Чернышевском говорили все меньше и меньше, а в печати самая его фамилия признавалась "нецензурной". Его "Что делать?" читалось и комментировалось в кружках молодежи, но лучшие его произведения, вся его яркая, кипучая и благородная деятельность постепенно забывалась по мере того, как истребывались и становились библиографической редкостью книжки "Современника". О самом Чернышевском доходили до нас смутные, сбивчивые слухи. Возникнув еще в 70-х годах, когда в очень известном тогда стихотворении А. А. Ольхина ("На смерть Мезенцова") говорилось:

...Угасает в далекой якутской тайге
Яркий светоч науки опальной --